

К 450-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ДЖОНА ДОННА

УДК 821.111.0

DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.01

Т.Н. Красавченко

ДЖОН ДОНН В ИНТЕРЬЕРЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Донн, известный прежде всего как поэт-метафизик, начал писать стихи в 1590-е – в период Позднего Возрождения. Отголоски Ренессанса различимы даже в его поздней религиозной поэзии. Несомненно, он – яркий представитель английского барокко, но не того «чистого» религиозного барокко, к которому принадлежат его последователи – поэты Джордж Герберт и Ричард Крэшо. В его поэзии нет такой естественной, страстной любви к Богу, как в поэзии Крэшо; нет такого целомудрия и набожности, как у Герберта. В ней скорее ощутимо стремление к осознанию ужасов греха, зла и желание почувствовать милосердие Бога. Специфика поэзии Донна в том, что между ним и средневековой традицией пролегла эпоха английского Ренессанса, а также его молодость с ее радостями и приключениями.

Ключевые слова: английская литература XVII в.; метафизическая поэзия; Джон Донн; позднее английское Возрождение; эстетика и поэтика барокко.

Получено: 10.08.2022

Принято к печати: 09.09.2022

Информация об авторе: *Красавченко* Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр-т, 51/21, 117418, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-7957>; Researcher ID: AVH-6612-2020

E-mail: tatianakras@mail.ru

Для цитирования: *Красавченко Т.Н.* Джон Донн в интерьере своего времени // Литературоведческий журнал. 2022. № 4(58). С. 9–27. DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.01

Tatyana N. Krasavchenko

JOHN DONNE IN THE INTERIOR OF HIS TIME

Abstract. John Donne, best known as a metaphysical poet, started writing poetry in the 1590 s – during the late Renaissance. Echoes of the Renaissance are discernible even in his late religious poetry. Undoubtedly, he is a bright representative of the English Baroque, but not of that “pure” religious baroque, to which his followers – poets George Herbert and Richard Crashaw – belong. There is no such natural, passionate love for God in his poetry as in the poetry of Crashaw; there is no such chastity and piety as that of Herbert. Rather, there is a palpable desire to realize the horrors of sin, evil and feel the mercy of God. The specificity of his work was determined by the fact that between his life and medieval tradition lay the whole era of the English Renaissance as well as his youth with its joys and adventures.

Keywords: English literature of the 17th century; metaphysical poetry; John Donne; late English Renaissance; aesthetics and poetics of baroque.

Received: 10.08.2022

Accepted: 09.09.2022

Information about the author: *Tatyana N. Krasavchenko*, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovskii Prospect, 51/21, 117418, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-7957>; Researcher ID: ABH-6612–2020

E-mail: tatianakras@mail.ru

For citation: Krasavchenko, T.N. “John Donne in the Interior of His Time”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(58), 2022, pp. 9–27. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.01

Восприятие Джона Донна (1572–1631) как главы «метафизической школы» в поэзии XVII в. привело к тому, что его считают поэтом явно постшекспировского поколения, хотя он всего на восемь лет моложе Шекспира и Марло, на год старше Бена Джонсона и начал писать в 90-е годы XVI в., когда многое, вызывавшее ранее безапелляционный восторг у англичан, показало свою оборотную сторону. Так, Великие географические открытия, воспринимавшиеся как проявления любознательности, смелости, предприимчивости, обернулись грабежами, истреблениями целых народов, работоторговлей. Этика и эстетика Возрождения сменяются умонастроениями и эстетикой маньеризма, затем барокко, возникших на почве переоценки возможностей человека и двойственного

отношения к нему: он уже не венец творения; он полон противоречий, в его мироощущении царят хаос, дисгармония, жизнь видится ему как череда бед.

Очевидно, что в рамках золотого – елизаветинского – века (1558–1603) произошла смена по меньшей мере двух поэтических поколений. К 1590-м годам мироощущение и формы поэтического выражения первого поколения были исчерпаны. Донн принадлежал ко второму поколению елизаветинцев. И у Шекспира к концу XVI в. было больше общего с Донном, чем с ранними елизаветинцами – Филипом Сидни и Эдмундом Спенсером. В «Сонетах» Шекспира наблюдался процесс перехода от поэзии Раннего Возрождения к поэзии донновского типа: поэзии самоанализа, самопознания, сложной, парадоксальной, порой циничной.

Об общности Донна и поздних елизаветинцев писал в 1920-е годы Т.С. Элиот, с литературной критикой и поэзией которого связано широкое литературно-общественное признание поэзии Донна и восстановление его традиции в XX в. По мнению Элиота, высказанному в знаменитом эссе «Метафизические поэты» (1921), поэзия Донна по своему мироощущению напоминает творчество позднеелизаветинского поэта и драматурга Джорджа Чапмена [7, с. 548], а ее система образов и ассоциаций характерна для стиля позднего Шекспира и его младших современников – Томаса Миддлтона, Джона Уэбстера, Сирила Тернера [7, с. 549–550].

Шекспир и Донн одновременно «вращались» в маленьком мире елизаветинского Лондона. Едва ли они были знакомы. Тем не менее Донна называли «великим завсегдаем театральных представлений» [цит. по: 14, р. 7; 11] и он, несомненно, знал пьесы Шекспира. Глубокие, живые переживания, испытанные Донном на театральных представлениях золотого века, когда театр был главной метафорой жизни (вспомним шекспировское «весь мир – театр») и столь многое значил для англичан, оказали воздействие на его поэзию. Драматическое начало характерно для его сатир, где он нередко выступает в роли наблюдателя, с презрением созерцающего мир. Стихотворения 1590-х годов нередко содержат живые разговорные сценки («Призрак», «К восходящему солнцу», «Экстаз» и др.). Донну импонируют внезапные переходы, например, от меланхолического повествования о «ней» к прямому непосредственному «ты» («Погребение») или от первого лица к

третьему («Мощи»). Эти переходы в театральном духе построены на эффекте неожиданности. Они напоминают последний монолог Отелло – в тональности вполне разумного, логического рассуждения – и вдруг неожиданная концовка: «...и заколол его вот так» (закалывает себя). Такие повороты встречаются и в сонетах Шекспира. Эффекты подобного рода требуют большой работы над композицией произведения – стихотворения Донна всегда построены очень продуманно и четко разделены на строфы, аналогично актам пьесы.

В ранней поэзии Донн, как это свойственно елизаветинцам, делал ставку на поэтов Античности (Гораций, Марциал, Овидий), «поглощал» и перерабатывал то, что было создано предшествующими поэтами (Петрарка, Спенсер), и на этой основе создавал новое, внося в него то драматическое начало, которое шло от театра елизаветинцев. Его парадоксы, драматизм, ритмы повседневной речи, напряженный синтаксис во многом рождены реакцией против гладкости и условностей ранней елизаветинской поэзии.

Таким образом, на определенном этапе Донн и Шекспир решали сходные эстетические задачи. Однако в жизни и творчестве Донна была своя специфика. Он не публиковал (за редким исключением) при жизни свои стихи, тем не менее его сатиры, любовно-эротическая поэзия – элегии, сонеты – широко циркулировали в рукописях, и он стал известен как поэт; вызывали восхищение и его прозаические «Парадоксы и проблемы» (*Paradoxes and problems*, 1600), начатые, вероятно, еще во время учебы в юридической школе, – остроумные, беззаботные парадоксы (нередко на тему женского непостоянства).

Отношение Донна к литературной профессии определил его круг общения. В письме Джорджу Гаррарду 14 апреля 1612 г. Донн ссылается на негласное правило: благородному человеку не следует публиковать свои стихи [12, р. 302]. В отличие от елизаветинских поэтов он ориентировался на узкий, избранный круг читателей – друзей. Среди них – сэр Генри Уоттон, поэт, посол в Венеции, позднее ректор Итона; Кристофер Брук, известный адвокат, имевший в те времена высокую репутацию как поэт; его брат Сэмюэл Брук, поэт, драматург, королевский капеллан; сэр Генри Гудайер, придворный, военный, покровитель искусств... Читатели Донна – люди одного с ним уровня культуры, интеллектуалы,

элита; их объединяет видное положение в обществе, привилегированные профессии, общие интересы; почти все они писали стихи и почти никто не публиковался, но распространение стихов в рукописях было вполне позволительно и не бросало тень на автора.

Основной корпус стихов Донна был опубликован в 1633 г. – посмертно, что и ознаменовало «легитимное» открытие его поэзии и краткий период его известности и влияния в 1630–1640-е годы. Однако в издании 1633 г. любовные и религиозные стихотворения поэта напечатаны вперемешку, без датировки, автографы его стихов не сохранились; все это затруднило в прошлом и затрудняет до сих пор исследование его творчества.

В изданиях после 1635 г. стихотворения Донна были сгруппированы в «Песни и сонеты» (Songs and sonnets) и «Религиозные стихи» (Divine poems). В результате возник миф о превращении легкомысленного молодого повесы «Джека Донна» в серьезного священника «доктора Донна», определивший подход к его жизни и творчеству [16, р. 59]. Этому способствовал первый биограф Донна – Айзек Уолтон, который в «Жизни доктора богословия Джона Донна» (1640), предварившей издание его проповедей, разделил его жизнь на два этапа и создал канонический образ «преподобного» Донна, который отказался от заблуждений юности (католического вероисповедания и фривольной поэзии) и, приняв «истинную религию» – англиканство, стал выдающимся служителем Церкви.

Эту дихотомию впервые обозначил сам Донн, но – в качестве предупреждения против ее абсолютизации. В письме своему другу Роберту Керру (апрель 1619 г.) он написал, что посылает ему рукопись давнего, созданного еще до принятия сана, трактата «Биатанатос» (1608): «Прошу тебя хранить ее так же бережно, как я. Любому, кому ты, человек благоразумный, дашь ее прочитать, сообщи, когда она была написана, ибо ее автор – не повеса Джек Донн, но и не доктор Донн» [12, р. 224]. Так, определив два полюса своей жизни, он указал на то, что между ними есть и «другие Донны». Сам факт посылки этого трактата другу «свидетельствует о том, что Донн вовсе не отказывался, как то пытаются представить его исследователи, от себя “старого” и вполне мог <...> привлечь внимание близких людей к тексту, написанному много лет назад» [5, с. 400].

В настоящее время исследователи пришли к соглашению, что элегии Донна, эпиграммы, любовные послания и сатиры написаны в 1590-е годы, «Песни и сонеты» – в период между 1590-ми – 1617 г., «Священные сонеты» и другие религиозные стихотворения – в 1609 – после 1617 г.

* * *

Свои особенности у Донна, начинавшего как елизаветинец, были изначально. Рубеж XVI–XVII вв. считается временем относительного равновесия в жизни английского общества: Реформация уже состоялась, а гражданская война еще не началась, однако религиозные преследования продолжались. И несмотря на то что у Англии сложилась в то время репутация более веротерпимой страны, чем Испания или Италия, два последних сожжения «еретиков» в ней произошли в 1611 г. [10, р. 342]. Борьба между католиками, англиканцами и пуританами была очень острой. В отличие от Шекспира и многих других елизаветинских литераторов, Донн оказался в центре религиозных конфликтов. Это было вызвано тем, что он родился в католической семье, воспитывался в духе католицизма, а семья его, отец – Джон Донн (валлийского происхождения), состоятельный лондонский купец (умерший в 1576 г.), и мать – Элизабет Хейвуд, дочь драматурга Джона Хейвуда и внучатая племянница автора знаменитой «Утопии» Томаса Мора, не раз подвергалась преследованиям со стороны англиканских властей [17, р. 3]. В 1584 г. Донн поступил в Оксфордский университет, в 1586 г. продолжил учебу в Тринити-колледже в Кембридже, но нигде из-за ограничений, введенных для католиков, не получил диплома и ученой степени – для этого требовалось принести присягу на верность англиканской церкви. В 1589–1591 гг. (предположительно) он путешествовал по Европейскому континенту. С 1592 г. три года он учился, как и его брат Генри, в лондонской юридической школе при крупнейшей английской юридической корпорации – Линкольнз-Инн. Генри в 1593 г. был арестован (за укрывательство католического священника) и умер (от бубонной чумы) в Ньюгейтской тюрьме. Видимо, тогда у Донна и возникли первые сомнения в католической вере [15, р. 156–158].

Постоянное ощущение Донном своей религиозной принадлежности, связанные с этим переживания и понимание важности религии в жизни определили его душевный склад и природу его поэзии. В молодости он жил, вероятно, как многие состоятельные молодые люди эпохи Ренессанса: закончив учебу, вел рассеянный образ жизни, истратил большую часть отцовского наследства; испытывая интерес к большому миру, путешествовал, побывал в Италии и Испании, где изучал их языки и обычаи [18, р. 20]. В числе золотой молодежи – «джентльменов-добровольцев» – он участвовал в антииспанских военных походах сэра Уолтера Рэйли и графа Эссекса в Кадис (1596) и на Азорские острова (1597).

Вернувшись в Англию, он стал работать секретарем лорда – хранителя Королевской Печати, члена Тайного совета ее Величества – сэра Томаса Эджертона. По одной из версий, Донн уже тогда перешел в англиканство, иначе его вряд ли взяли бы на работу к такому именитому вельможе [11], но вполне вероятно, это произошло позднее. Он влюбился в племянницу сэра Эджертона – 16-летнюю Анну Мор, дочь сэра Джорджа Мора, канцлера ордена Подвязки, высшего рыцарского ордена Великобритании. И в декабре 1601 г., не надеясь получить благословение ее родни, они тайно обвенчались. Когда все обнаружилось, Донна уволили со службы, в феврале 1602 г. арестовали по обвинению в соблазнении девушки и посадили во Флитскую тюрьму в Лондоне. Однако суд признал брак законным, и Донна освободили. Ему было 30 лет, он был в расцвете сил, но пути успешной светской карьеры оказались для него закрыты, а ему надо было содержать семью. Последовало более десяти тяжких лет (1602–1615) бедности и унижительной зависимости от родственников и покровителей.

Поначалу он и Анна поселились в маленьком доме в имении ее родственников Перфорд в графстве Саррей. Донн стал домашним секретарем сэра Фрэнсиса Уолли. В 1605 г. они переехали в Митчем, недалеко от Лондона. Из 12 детей, которых родила ему Анна в течение 16 лет их брака, выжили лишь семь, трое умерли до десяти лет – порой не было денег даже на похороны. Донн в своем отчаянии дошел до предела и написал трактат *Biathanatos* – о дозволенности самоубийства (самого тяжкого из смертных грехов). Возможно, именно тогда он пережил духовный кризис и перешел из католицизма в англиканскую веру [13, р. 1370–1372].

Дважды – в 1601 г. и 1614 г. – Донна избирали депутатом парламента, но денег за это не платили. Он зарабатывал адвокатурой, занимался богословием, изучал доктрины католической и англиканской церквей и в 1605–1607 гг. помогал епископу Томасу Мортону, впоследствии епископу Даремскому, писать полемические антикатолические памфлеты. Мортон предлагал (ок. 1607 г.) ему хороший приход при условии принятия духовного сана, но он предпочитал светскую – дипломатическую карьеру, пробовал получить место секретаря в Ирландии, в Виргинии или пост посла в Гааге или Венеции, но безуспешно.

* * *

Творчеству Донна изначально были свойственны некоторые особенности, предвращавшие поэзию барокко; и среди них прежде всего то, что он, в отличие, скажем, от склонных к антропоцентризму елизаветинских драматургов (Кристофер Марло и др.), никогда не был антропоцентристом. Тем не менее его ранние стихи сохраняют дух и свет Возрождения: он восхищается человеком, его физической красотой, хотя постоянно пишет (в средневеково-религиозном русле) об его двух началах – душе и теле. Но его ранняя поэзия, созданная, когда он был молод, полна энергии и света жизни, любви, хотя непримиримый характер контрастов и антагонизмов в общественном развитии, нашедший отражение в литературе, проявился уже в период позднего Возрождения, но их апологии в поэзии и драме тогда не наблюдалось – это произошло позднее.

Принцип сочетания противоположностей лег в основу характерного для позднего Шекспира и для поэзии Донна поэтического мышления, основанного на особой амбивалентной тональности – «иронии», или «остроумии» (*wit*), на внесении комического, пародийного в сюжеты, в иные времена воспринимаемые сугубо серьезно. «Ирония» выявляла противоречивую природу чувств человека. Так, в элегии Донна «К возлюбленной, ложающейся в постель» (*Going to bed*) любовные узы – то же, что свобода: *To enter in these bonds, is to be free* – «Тут сдать в плен – свободным значит стать» [9, р. 107; пер. Б. Томашевского]. «Ирония» Донна основывалась на сочетании изощренной изобретательности, фантазии

(fancy) и способности к пронизательному суждению (judgement), что позволяло ему – поэту (а позднее и проповеднику) с величайшей словесной ловкостью выявлять черты сходства, соответствия между внешне несходными предметами. «Иронию», разрушительную для догматического мышления, рождала способность поэта ощущать амбивалентность мира и человека.

Донн использовал в своем творчестве (раннем и позднем) концепты (conceit) – специфические образы, нередкие в поэзии и Раннего, и Позднего Возрождения (особенно у Шекспира) [8, с. 14–15]. Заимствованные у Петрарки и итальянских сонетистов «концепты» встречались в поэзии раннего английского Возрождения – у Томаса Уайетта, у Генри Ховарда, графа Суррея, в любовной елизаветинской лирике – в типично петрарковском виде («вздохи говорят», «сердца замерзают»). В поэзии Донна концепты – изощренные метафоры, парадоксальные, причудливые образы, они основаны на неожиданном сближении далеких друг от друга понятий, на сочетании самых разнородных явлений и идей. Классификация образов поэзии Донна вызвала бы переключку наук – от математики, астрономии, физиологии до теологии, метафизики, алхимии. Хрестоматийные образцы его концептов – развернутое, кажущееся несколько гротескным, тем не менее эффектное, запоминающееся сравнение двух любящих с ножками циркуля (в стихотворении «Прощание, запрещающее печаль», его датируют началом 1602 г. [5, с. 419]); или неожиданный, натуралистический образ-символ любовно-сексуального акта – блоха, в которой после того, как она укусила двух возлюбленных, смешалась их кровь (стихотворение «Блоха»); или причудливый, сюрреалистический, даже готический и в то же время обыденный в своей ужасающей простоте образ – «браслет светлых волос на кости», который видит могильщик, раскапывающий могилу (сонет «Мощи»), что напоминает сцену на кладбище в «Гамлете». Порой у Донна встречаются концепты, основанные на разрастании сравнения путем быстрого ассоциативного хода мысли, как в стихотворении о расставании влюбленных – «Прощальная речь о слезах»:

Из небытья

Картограф вызовет на глобус вмиг

Европу, Азиатский материк...

Так округлилась в шар слеза моя,
Неся твой лик:
В ней мир возник
Подробным отражением, но вот
Слились два наших плача, бездной вод
Мир затопив и захлестнув потоком небосвод.
(Перевод Д. Щедровицкого)

Здесь наблюдаются, по крайней мере, две нарочито введенные поэтом ассоциации – географического глобуса со слезой и слезы с потоком.

Замысловатый рисунок «причудливого образа» есть плод своеобразного движения ума. Донн с новыми нюансами обыгрывает слова не просто ради каламбуров, которыми в елизаветинском духе изобилуют его стихи, а ради передачи работы ума, находящегося в постоянном движении. «Идеализирующий принцип античности, под знаком которого развивалось искусство Возрождения, отбрасывается», эстетика барокко выдвигает к искусству «требование движения, динамики» [6, с. 57]. Но понимание движения как внутренне уравновешенного и направленного вверх, свойственное Ренессансу, представляется недостаточным: «Барокко уже хорошо усвоило непримиримо противоречивый характер движения. Оно насквозь проникнуто антиномиями и внутренними столкновениями. В этом подчас его сила, но и слабость в конечном счете и внутренняя разорванность по сравнению с более наивным, но поэтически цельным пониманием жизни Ренессанса» [там же].

Когда в поэзии Донна произошел качественный переход от эстетики Позднего Возрождения к эстетике барокко, определить трудно; можно допустить, что поначалу он находился в «преддверии» барокко, а потом вошел в его «двери». Изучение им учений римско-католической и англиканской церковью повлияло не только на его взгляды, но и на стиль поэзии. Многие «концепты» его светской поэзии имеют религиозное происхождение. Да и барокко, его эстетика – «шире, чем литературный стиль», это «стиль мышления эпохи» [4, с. 95], основанный на формуле *concordia discors* или *discordia concors* (лат. согласие несогласного). В барочном мировосприятии (как и средневековом мироощущении), настроенном на фиксацию антитез, гармония воспринималась как нечто

вторичное, «странное», возникшее из диссонанса, а диссонанс, разлад, разногласия (*discordia*) наделялись эстетической самоценностью [см.: 3, с. 324–327]. Последний – XIX – из «Священных сонетов» Донна открывается строкой: «О, чтобы досадить мне, противоположности сливаются воедино» (*Oh, to vex me, contraries meet in one* [9, p. 302]).

Донну близки поэты-метафизики, потому что он, как и они, вписывает новые знания о человеке, природе, обществе в контекст вечного божественного порядка, хотя он очарован существованием альтернативных точек зрения. Сочетание религиозных переживаний, медитаций, драматизма с элементами интеллектуальной игры, комической шутки, театральности, пессимизм и меланхолия характерны для его поэзии, как и в целом для метафизической поэзии XVII в.

* * *

Вероятно, где-то после 1601–1602 гг. – после 30 лет и, можно сказать, роковой для него и его супруги женитьбы, Донн все более ощущал тяжесть и безнадежность жизни, что сказалось на его творчестве.

В 1610 г. он вновь принял участие в религиозной полемике своего времени – на этот раз опубликовал антикатолический трактат «Псевдомученик», содержащий защиту присяги на верность короне, вмененной католикам в обязанность после Порохового заговора (1605). Трактат так понравился королю Якову I, что по его инициативе Донну присудили степень магистра искусств Оксфордского университета. В 1611 г. Донн написал памфлет «Игнатий и его конклав» (*Ignatius his Conclave*), направленный против ордена иезуитов. Король Яков, оценив полемический дар Донна, отклонял просьбы покровителей поэта о светской должности и предлагал ему церковную должность [15, p. 156–158]. Но Донн по-прежнему не был склонен к этому. В 1610 г. он обрел покровителя в лице сэра Роберта Друри и в ноябре 1611 г. – августе 1612 г. ездил с ним за границу (в Париж), а вернувшись, перевез семью в Лондон – в дом на Друри-лейн, где жил до 1621 г.

По заказу своего покровителя Донн создал две поэмы по случаю годовщин смерти его дочери – четырнадцатилетней Эли-

забет Друри – «Анатомию мира» (1611) и «Путь души» (1612), известные как «Годовщины», – единственные значительные поэтические произведения Донна, опубликованные при его жизни сразу после их создания. Это образцы литературного барокко – стихи о бренности всего земного. Элементы траурной элегии сочетаются в них с философской медитацией об «отравленном», утратившем гармонию мире, который противопоставляется идеальному бытию, воплощенному в образе юной героини. Элизабет – воплощение жизни, радости, добра. Эти качества утрачены миром, потому что «она» умерла, «мир – калека» [9, р. 214]. Бен Джонсон саркастически заметил по поводу «Анатомии мира», что столь пышная похвала подобает скорее «не юной девице, а Деве Марии» (цит. по: 12, р. 302; 1, с. 118). Но хвалы воздаются не конкретной земной девушке – оплакивается «идеальный человек».

Вместе с тем в поэме ощутимы волнение и растерянность поэта перед этим миром с его «симптомами распада» и «новой философией», в которой «все – сомнение»: Солнце «потеряно», Земля больше не центр вселенной, существуют другие планеты, все разложимо на атомы. Соответственно и в обществе нарушаются старые представления и связи: «Принц, подданный, отец, сын – забытые понятия» (Prince, Subject, Father, Sonne, are things forgot [9, р. 214]).

Вторая «Годовщина» начинается с размышления: «она» умерла – подлинная жизнь кончилась, сохранилась лишь видимость жизни. Типичное для Донна сравнение в этом размышлении – рефлекторные движения обезглавленного человеческого тела сразу после казни; в этом сравнении, как и в концепте «браслет светлых волос на кости», есть элемент нереальности, как будто искусственное освещение, напоминающее свет в некоторых картинах Караваджо.

Смерть – одна из основных тем поэмы. В ней подробно изображено умирание человека: «... вот сейчас ты борешься с прерывающимся дыханием... подумай – ты лежишь на смертном одре слабый, вялый». Кажется, будто речь идет о спектакле и публика на нем двух типов: духи злые и добрые, собравшиеся у постели умирающего – совершенно в средневековой традиции: «...вдумайся – слуги сатаны около тебя», «представь себе: твои друзья рыдают вокруг». Далее следует переход к первым момен-

там после смерти: «...они закрывают твои глаза <...> они завораживают тебя в саван <...> тело твое разлагается» [9, р. 229–230]. Этот эпизод во многом предвосхищает «спектакль» смерти, «сыгранный» Донном через двадцать лет.

Дух средневековой аскетической традиции особенно ощущим во второй «Годовщине» при изображении «взаимоотношений» души и тела. Практически вся поэма – о неисцелимо грешном теле, тюрьме души, пока смерть не освободит ее, и о величии души. Но в выступлении против плоти ощущим азарт «обращенного». Тут Донн противостоит раннему Донну, в частности, автору стихотворения «Экстаз» («Песни и сонеты»), которое завершается словами «как мало предается дух, / Когда мы предаемся плоти» (перевод А. Сергеева). Теперь же лейтмотив Донна, обращающегося к душе: «Вдумайся, в какой жалкой тюрьме ты лежишь» [9, р. 232].

Тем не менее примечательно, что «ее» тело описано в иных выражениях, противоречащих тому, что было сказано о теле перед этим: «ее» «прекрасное тело – не было тюрьмой», в нем «душа могла прожить бы век», «ее» тело так прекрасно, что душа не испытывает на себе его тяжести [9, р. 233]. В людях исключительной чистоты и красоты душа «просвечивает» сквозь телесную оболочку – эта мысль весьма обычна в любовной поэзии Ренессанса.

В «Священных сонетах» (Holy sonnets) Донна (16 из них были, предположительно, написаны в 1609–1611 гг., последние три – после 1617 г.) сошлись разнородные чувства: сомнение, отчаяние, надежда, ощущение греха, раскаяние, смирение. Конфликт между стремлением к Богу, к спасению души и тягой к земной жизни пронизывает сонеты (особенно XIV и XIX). Смирение нелегко дается Донну. Хотя искренность его вне сомнения. Одна из тем – горькие упреки поэта себе из-за того, что он не испытывает к Богу тех сильных, живых чувств, которые в свое время испытывал к любимым женщинам.

Для эстетики барокко в высшей степени характерно «трезвое» восприятие реальной жизни как феномена обыденного, «“слабого” и ограниченного», она – материал, достойный искусства только потому, что в ней можно найти проявления «некоего внешнего нереального мира. Мера Ренессанса разложилась на свои две взаимоисключающие противоположности. Место идеализиро-

ванного реального человека заняли в искусстве нереальный идеал и реальный беспомощный человек» [6, с. 59]. Эта тематика все более утверждается в творчестве Донна.

* * *

Яков I, почти маниакально религиозный король, все-таки настоял на своем. В 1614 г. он ультимативно заявил, что Донн получит должность, только если изберет церковное поприще. Поэт, несмотря на покровителей, едва сводил концы с концами, семья его бедствовала. И 23 января 1615 г., в возрасте 43 лет, Донн принял сан англиканского диакона, а затем – священника. Его материальное положение изменилось. Яков назначил его одним из своих капелланов, в 1616 г. он получил два доходных прихода, начал читать проповеди при дворе, получил должность профессора богословия в Линкольнз-Инн, Кембриджский университет удостоил Донна степени богословия.

А в 1617 г. произошло важнейшее событие в жизни Донна, окончательно отделившее его от прежней жизни: в августе его жена Анна родила мертвого ребенка и через пять дней после родов – 15 августа – 33 лет от роду умерла. Донн, глубоко переживавший ее смерть, поклялся никогда более не жениться. Ее памяти посвящен 17-й из «Священных сонетов».

22 ноября 1621 г. Донн стал (пожизненно) настоятелем собора Святого Павла в Лондоне (престижная и хорошо оплачиваемая должность в англиканской церкви). И обрел широкую известность как проповедник; стихи он писал уже редко. И хотя ныне он известен прежде всего как поэт, однако бо́льшая часть его наследия – проповеди. Его сын издал 156 проповедей отца в трех книгах в 1640, 1649 и 1661 гг.

В проповедях, которые со временем становились все более мрачными, Донн блестяще анализировал библейские тексты, вписывал их в контекст современных событий (в частности, эпидемии чумы, опустошившей Лондон в 1625 г.). Сила проповедей Донна – в их драматизме, искренности, личных откровениях, а также в живых ритмах и поразительных образах-концептах, напоминающих об его стихах.

В 1624 г. были опубликованы его знаменитые «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» – медитации, увещания и молитвы, созданные им за месяц зимой в 1623 г. – в период выздоровления от тяжелого недуга (то ли тифа, то ли жестокой простуды). Болезнь особенно выявила для него зависимость человека от милости Божьей. Во время болезни Донн иногда слышал звон колоколов – и в XVII Медитации содержалось его знаменитое суждение: «Нет человека, который был бы как остров...» (Э. Хемингуэй заимствовал из нее название своего романа «По ком звонит колокол», 1940, и не менее знаменитый эпиграф к нему.) «Медитациям» Донн обязан славой прозаика.

Человек предстает в «Обращениях...», как и в целом в проповедях Донна, грешным, жалким и тем не менее в них нередко слышно «эхо» Возрождения. Так, в «Увещании II» сказано о человеке: «Но будучи и последним из рабов – все равно он подобен Богу, и не меньше в нем от образа и подобия Божия, чем в том, кто соединил бы в себе все добродетели царя Давида и всех владык мирских...» [2, с. 44; перевод А. Нестерова]. А в Медитации III Донн заявляет: «Человек сотворен ходить вертикально, и тело от природы дано Человеку таким, дабы мог он созерцать Небо. Сама форма тела человеческого исполнена благородства – и помня о том, что оно обязано всем одной лишь душе, тело выплачивает свой долг, неся душу ближе к небу» [2, с. 51; перевод А. Нестерова]. Таким образом, Донн «не забыл» восходящее к Античности и возрожденное в эпоху Ренессанса представление об особом строении тела человека, свидетельствующем об его избранности. И в Медитации IV он вновь обращается к свойственному Возрождению взгляду на человека: «Слишком мало назвать человека малым миром <...> лишь *Богу* подобен человек, и более ничему» [2, с. 61; перевод А. Нестерова].

Конечно, «Обращение к Господу» – типично барочное произведение, и главная в нем тема – смерти и пути к Богу и обретения бессмертия. К концу жизни Донн в своих проповедях бросал вызов смерти – он верил в то, что после смерти человек попадает на Небеса и живет вечно – см. и его «Священный сонет» X. Незадолго до своей смерти 31 марта 1631 г., 25 февраля 1631 г., в лондонской королевской резиденции Уайтхолл перед королем Карлом I он произнес свою самую знаменитую проповедь «Дуэль

со смертью» (Deaths duel) – позднее ее назвали его собственной предсмертной погребальной проповедью. В ней он говорит о том, что жизнь человека – это постепенное нисхождение к страданию, болезни и смерти, но спасительна надежда на искупление, спасение и воскресение. Смерть воспринимается как Властелин Вселенной, над которой она (или он: в английском языке «смерть» – мужского рода) захватила власть, но в Судный день и ей, и ему придет конец. Нередко в проповедях Донн видел происходящее словно со стороны и, следуя драматической природе «иронии», представлял свою смерть и похороны так, будто это сцена из спектакля. Донн хотел умереть с достоинством – и тут он выступал как нестойк. Средневековая христианская традиция, согласно которой физическая смерть – подготовка к загробной жизни, переплетается у него с драматической традицией позднего Ренессанса. Предвидевший свою близкую кончину, страдавший раком желудка Донн, согласно Уолтону, вернувшись домой после «погребальной» проповеди, вызвал к себе придворного художника и, завернувшись в саван, позировал для предсмертного портрета. Он репетировал смерть, готовясь принять ее без страха.

* * *

Донн – человек XVII в., «мятущийся и неустойчивый. <...> его тянут, каждый к себе, разные “аффекты”, притягивают разные ценности, светские и духовные» [4, с. 94], он – поэт эпохи барокко, но призрак Возрождения не покидает его. Художественное сознание Донна, сомнения, ощутимые в его поэзии, – результат коллизии между непримиримыми векторами времени и системами миропорядка, что привело к сочетанию в его поэзии науки и теологии, логики и страсти, гордости и унижения, идеализации и цинизма, чувственности и платонизма, гедонистического мировосприятия и размышлений о смерти. В его религиозных стихах, особенно в «Священных сонетах» и гимнах – о любви к Богу, явны его духовные метанья – нет ему покоя.

Неудивительно, что классицисты и просветители (Джон Драйден, Сэмюел Джонсон) «не приняли» его: он опрокидывал все представления о порядке и разумности. В большей мере его оценили в XIX в. романтики – С.Т. Кольридж и Р. Браунинг, а в пол-

ной мере – лишь в XX в. Многие сделал для этого шотландский литературовед Герберт Грирсон, но широкое признание пришло благодаря Т.С. Элиоту. Сложная драматическая природа поэзии Донна, смелые необычные образы, живые разговорные ритмы сделали его кумиром англоязычных поэтов и критиков первой половины XX в. Но это уже особый сюжет.

Список литературы

1. *Горбунов А.Н.* Джон Донн и английская поэзия XVI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1993. 188 с.
2. *Донн Дж.* По ком звонит колокол: обращение к Господу в час нужды и бедствий; Схватка Смерти, или Утешение душе / перевод с англ. Нестерова А.В., Седаковой О.А.; состав., предисл., статьи, коммент. Нестерова А.В. М.: Энигма, 2004. 432 с.
3. *Махов А.Е.* Concordia discors // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель / под ред. Махова А.Е. М.: Издательство Кулагиной – Intrada. 2010. С. 357–362.
4. *Михайлов А.В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 175 с.
5. *Нестеров А.* Циркуль и окружность. К вопросу о датировке «Прощания, за-прещающего грусть» Джона Донна // *Донн Дж.* По ком звонит колокол... С. 397–419.
6. *Пинский Л.* Ренессанс. Барокко. Просвещение. Статьи. Лекции. М.: РГГУ, 2002. 829 с.
7. *Элиот Т.* «Поэты-метафизики» / перевод Т. Красавченко // *Элиот Т.* Избранное: Религия, культура, литература / переводы с англ. под ред. Дорошевича А.Н.; состав., послесловие и коммент. Красавченко Т.Н. М.: РОССПЭН, 2004. С. 548–559.
8. *Bloom H.* John Donne: Comprehensive Research and Study Guide. Broomall, PA: Chelsea House, 1999. 112 p.
9. *Donne J.* Poetical Works. Ed. by Grierson H.J. Oxford: Univ. press, 1977. 404 p.
10. *Empson W.* Donne the Spaceman // *The Kenyon Review.* 1967. Vol. XIX. No. 3. P. 337–399.
11. *Garland Pinks P.* John Donne, English Poet. URL: <https://www.britannica.com/biography/John-Donne/Poetry> (дата обращения: 04.09.2022).
12. *Gosse E.* The Life and Letters of John Donne. Vol. I. Gloucester, MA: Peter Smith, 1959. 348 p.

13. *Greenblatt S.* The Norton Anthology of English Literature Major Authors Edition. The Middle Ages Through the Restoration and the Eighteenth Century. N.Y.: W.W. Norton, 2006. 3072 p.
14. *Hughes R.E.* The Progress of the Soul. The Interior Career of John Donne. N.Y.: William Morrow Co, 1968. 316 p.
15. *Kunitz S., Haycraft H.* (eds.) British Authors Before 1800. A Biographical Dictionary. N.Y.: Wilson, 1952. 584 p.
16. *McCarthy E.* Poems by J.D. and the Creation of John Donne's Literary Biography // John Donne Journal. 2013. No. 32. P. 57–85.
17. *Papazian M.* John Donne and the Protestant Reformation: New Perspectives. Detroit, Mich.: Wayne State univ. press, 2003. 400 p.
18. *Walton I.* Lives of John Donne, Henry Wotton, Richard Hooker and George Herbert. London, Glasgow, N.Y.: G. Routledge a. sons, 1888. 283 p.

References

1. Gorbunov, A.N. *John Donne i angliiskaya poeziya XVI–XVII vekov (John Donne and English Poetry of the XVI–XVII Centuries)*. Moscow, MGU Publ., 1993, 188 p. (In Russ.)
2. Donne, J. *Po kom zvonit kolokol: obrashenie k Gospodu v chas nuzhdi i bedstvii; Shvatka smerti, ili Uteshenie dushe (For Whom the Bell Tolls: Devotions Upon Emergent Occasions, and Several Steps in my Sickness)*, transl. by Nesterov A.V., Sedakova O.A.; ed., introd., articles, comments Nesterov A.V. Moscow, Enigma Publ., 2004, 432 p. (In Russ.)
3. Makhov, A.E. “Concordia discors”. *Evropeiskaya poetika ot antichnosti do epokhi Prosvesheniya. Entsiklopedicheskii putevoditel' (European Poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment. Encyclopedic Guide)*, ed. by Makhov A.E. Moscow, Kulagina – Intrada Publ., 2010, pp. 357–362. (In Russ.)
4. Mikhailov, A.V. *Metody i stili literatury (Methods and Styles of Literature)*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, 175 p. (In Russ.)
5. Nesterov, A. “Tsirkul' and okruzhnost'”. K voprosu o datirovke ‘Proshaniya, zapreshchaishego grust' Johna Donna’ (“Compass and Circle. The Date of ‘Valediction: Forbidding Mourning’ by John Donne). Donne, J. *Po kom zvonit kolokol... (For Whom the Bell Tolls...)*, pp. 397–419. (In Russ.)
6. Pinsky, L. *Renessans. Barokko. Prosveschenie. Stat'i. Lektsii (Renaissance. Baroque. Enlightenment. Articles. Lectures)*. Moscow, RGGU Publ., 2002, 829 p. (In Russ.)

7. Eliot, T. *Poetyi-metaphiziki (Metaphysical Poets)*, transl. by T. Krasavchenko. Eliot, T. *Izbrannoe: Religiya, kul'tura, literatura (Selected Works: Religion, Culture, Literature)*, transl. from English ed. by A.N. Doroshevich; selection, afterword, comments by T.N. Krasavchenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 548–559. (In Russ.)
8. Bloom, H. *John Donne: Comprehensive Research and Study Guide*. Broomall, PA, Chelsea house, 1999, 112 p. (In English)
9. Donne, J. *Poetical Works*, ed. by Grierson H.J. Oxford, Univ. press, 1977, 404 p. (In English)
10. Empson, W. “Donne the Spaceman”. *The Kenyon Review*, vol. 19, no. 3, 1967, pp. 337–399. (In English)
11. Garland Pinks, P. *John Donne, English Poet*. Available at: <https://www.britannica.com/biography/John-Donne/Poetry> (date of access: 04.09.2022). (In English)
12. Gosse, E. *The Life and Letters of John Donne*. Vol. I. Gloucester, MA, Peter Smith, 1959, 348 p. (In English)
13. Greenblatt, S. *The Norton Anthology of English Literature Major Authors Edition. The Middle Ages Through the Restoration and the Eighteenth Century*. N.Y., W.W. Norton, 2006, 3072 p. (In English)
14. Hughes, R.E. *The Progress of the Soul. The Interior Career of John Donne*. N.Y., William Morrow Co, 1968, 316 p. (In English)
15. Kunitz, S., Haycraft, H. (eds.) *British Authors Before 1800. A Biographical Dictionary*. N.Y., Wilson, 1952, 584 p. (In English)
16. McCarthy, E. “Poems by J.D. and the Creation of John Donne’s Literary Biography”. *John Donne Journal*, no. 32, 2013, pp. 57–85. (In English)
17. Papazian, M. *John Donne and the Protestant Reformation: New Perspectives*. Detroit, Mich., Wayne State univ. press, 2003, 400 p. (In English)
18. Walton, I. *Lives of John Donne, Henry Wotton, Richard Hooker and George Herbert*. London, Glasgou, N.Y., G. Routledge a. sons, 1888, 283 p. (In English)